

Фэн Жун решил, что прибыла матушка Сяоху: очень быстро, учитывая ее свиту и больные ноги, но этот день молодого хозяина поместья Фэн разочаровал достаточно, чтобы удивляться подобному. Однако, неожиданно на пороге появилась совсем небольшая компания, увлеченно беседующая. В простых одеждах и с отрешенным выражением лица впереди шел Фэн Хуань, дядя Фэн Жуна и Фэн Сяолин, с несколькими слугами, а рядом с ним, жарко что-то рассказывая, ступал Фу Ичжэнь.

За его спиной, приняв степенный облик, медленно ступали даочжан Ян и даочжан Чжунчу. Надо сказать, что легенда таких частых визитов Пятого принца в поместье Фэн была проста — его дядя по матери, Фэн Хуань, увлекался поисками бессмертия, как и Фу Ичжэнь, и по этой причине они сдружились. На самом деле Пятый принц с дядей разговаривал едва ли несколько раз, потому как тот был нелюдимым затворником: лишь сегодня ему пришлось выползти из своего павильона, чтобы поприветствовать Великого хоу. Бледное, угловатое лицо Фэн Хуаня, напоминающее каменную маску, от этого выглядело недовольным.

Казалось, двое были искренне увлечены разговором и лишь у павильона заметили людей внутри. Пятый принц удивленно моргнул:

— А где же матушка Сяоху? — спросил он вместо приветствия. — Этот принц слышал, что она посетит павильон, и прибыл сюда, только чтобы выразить почтение — а ее еще нет?

— Приветствую Ваше Высочество, — сказала Фэн Сяолин, первая разгадавшая его замысел. — Мы с моим господином прибыли чуть раньше положенного времени, потому бабушка еще не пришла.

— Вот оно как... — с искренним огорчением пробормотал Фу Ичжэнь и тут же улыбнулся Пань Таню. — Генерал, из-за вашей торопливости планы всего поместья спутались.

На миг лицо Пань Таня дрогнуло. Он всегда был расслаблен и дружелюбен, но на мгновение в его глубоких черных глазах Пятый принц к своему удивлению увидел холод, которого никогда прежде не замечал. Впрочем, генералу очень быстро удалось вернуть беззаботное спокойствие в прямые черты лица, и он ответил в той же шутливой манере:

— Прошу Ваше Высочество быть снисходительным к этому слуге. Семья Сяолин и моя семья тоже, потому я решил, что могу пренебречь некоторыми старыми правилами.

Пятый принц оживился:

— Тут генерал полностью прав, нечего держаться за заведенные обычаи! Только теперь мы с дядюшкой разговаривали об этом в отношении совершенствования и постижения духовных практик. Верно?

Фу Ичжэнь обратился к Фэн Хуаню, который мыслями будто находился совсем не здесь, и тот коротко лишь кивнул:

— М-м.

Пятого принца, однако, неразговорчивость собеседника, кажется, совсем не смущала: он продолжил весело болтать, словно самый настоящий беззаботный повеса:

— Раз матушки Сяоху еще нет, мы продолжим прогулку и вернемся чуть позже. Дядюшка часто уходит в уединенную медитацию, чтобы добиться просветления, потому я не могу теперь упустить шанса обсудить с ним многие важные вещи!

— Удивительно, как Вашему Высочеству требуется помощь господина Фэна, когда рядом с ним всегда путешествуют даочжаны, — внезапно окинув Чжунчу Чэна и Ян Вэньяна, изо всех сил напускающих на себя загадочный вид, задумчивым взглядом, сказал Пань Тань. Фу Ичжэнь обернулся на своих спутников, словно только теперь вспомнил о них.

— Пути постижения дао похожи на русло реки, что имеет одно начало, но далее может разрастись притоками что к востоку, что к западу, — ответил Пятый принц. — Советы моих спутников ценны, но говорить с иными людьми тоже полезно. Ведь даже вы, генерал, — Фу Ичжэнь беззаботно посмотрел на Пань Таня. — Пусть не являетесь заклинателем, из своего богатого опыта сражений можете рассказать что-то, что может нам всем помочь в поисках бессмертия. Не желаете присоединиться к разговору?

Пань Тань мгновение подумал, а после улыбнулся, обращаясь к Фэн Сяолин:

— Моя госпожа, ты можешь пока переговорить с братом: я скоро вернусь, — женщина кротко кивнула и генерал повернулся к Пятому принцу. — Для меня честью будет послушать слова Вашего Высочества.

— О чем вы? — рассмеялся Фу Ичжэнь, в окружении своей увеличившейся на Пань Таня и его приближенных свиты направляясь к выходу из сада. — Сяолин — моя сестра по матери, потому вы, ее муж, тоже практически родственник! Жаль, что мы не общались с вами близко раньше...

Не успел еще Пань Тань скрыться за воротами, как Фэн Сяолин принялась раздавать указания оставшимся слугам из его поместья:

— Прикажите подать чай и грелку для Чэнхуа, а также завесьте западную сторону павильона — ветер оттуда слишком холоден. Распорядитесь подогреть воды в подготовленных нам покоех, перенесите вещи из экипажа. Лошадей накормить...

Когда женщина закончила, рядом с ней осталось лишь несколько доверенных служанок, кормилица, держащая Чэнхуа, и Фэн Жун. Фэн Сяолин тут же обернулась к нему, желая расспросить, но юноша резко вскочил со своего места, бросившись за нефритовый экран. Оттуда она услышала его взволнованный голос:

— Вы в порядке? Ах, простите, так глупо вышло, я сам не знаю... Это моя вина, только моя!

— Конечно, ваша, — отвечал ему другой, молодой, но будто осипший голос. Из-за экрана вместе с Фэн Жуном и его телохранителем показался юноша в домашних одеждах болезненного вида, бледный, как полотно. Он обладал приятными, пусть и излишне резкими чертами лица, а стоял, опираясь на Куаня и подогнув одну ногу, словно не мог на нее наступать. Выражение лица юноши было неестественным: словно он отчаянно старался казаться раздраженным, но уверенным в себе — Фэн Сяолин, последние месяцы жившая в страхе перед собственным мужем, это чутко уловила. Увидев женщину, Ли Инчунь замер и лицо его потеряло всякое выражение, словно он не знал, что должен изобразить теперь.

— Господин Ли, — первой поздоровалась Фэн Сяолин, склонив голову. Шпилька и золотые нити в ее волосах тихо звякнули, зашуршали от движения дорогие шелковые одежды. Одного вида на женщину хватало, чтобы сказать, что живет она в любви и достатке.

— Госпожа Фэн, — ответил Ли Инчунь. — Ваш брат много о вас рассказывал.

— В самом деле? — улыбнулась девушка, а Фэн Жун махнул рукой:

— К чему вы это говорите? Не важно, не важно! Господин Ли, вам сейчас скорее надо возвращаться в свои покои.

Ли Инчуню, возможно, стоило бы поблагодарить Фэн Сяолин. Лишь благодаря ей, ее упрямству и любопытству, Фэн Жун и Пятый принц узнали о его бедственном положении и смогли помочь — не будь ее, и юноша все еще оставался бы в павильоне Цветения. Со своей стороны Фэн Сяолин тоже чувствовала к Ли Инчуню долю благодарности, но и сочувствия: если бы не он, она никогда не узнала бы истинной сущности своего супруга и — кто знает, — навлекла бы однажды на себя и дочь его гнев. И все же, истинная суть отношений между Ли Инчуном и Пань Танем была загадкой — молодые люди, смотря друг на друга, молчали.

Через некоторое время Ли Инчунь вдруг указал взглядом на шпильку в причёске Фэн Сяолин.

— Очень красивая вещь.

Женщина опешила и невольно потянулась пальцами к своим волосам:

— Спасибо?..

Однако Ли Инчунь продолжал говорить:

— Пион — это цветок богатства и знатности, он символизирует женскую красоту. Однажды я слышал, как он обсуждал качества своей будущей жены и среди прочих выделял почтение и скромность. Если желаете сохранить его благосклонность, то лучше вам выбрать что-то более нежное: нарцисс и лотос.

Фэн Сяолин замолчала и взгляд ее скользнул к ноге Ли Инчуна, на которую он не решался наступать. Терять расположение Великого хоу она очень не хотела. Между тем Фэн Жун поторопил:

— Времени не так много, поспешим же.

Куань вновь поднял Ли Инчуна на руки и втроем молодые люди спешно покинули сад. Фэн Жун помог своему гостю вернуться в Сад камелии и, пока провожал его до внутренних покоев и наказывал Куаню остаться рядом, не услышал, как тихо хлопнула воротина сада. Это Сижэнь нашла все же меж визитом молодого хозяина и появлением Великого хоу время покинуть свое убежище.

Все это время Фэнцзи оставалась в Саду камелии: она отпустила Ли Инчуна и Фэн Жуна в Бамбуковый сад с чистым сердцем, и лишь после, когда сообщили о прибытии Великого хоу, принялась переживать. Когда в сад заглянул Пятый принц, она пересказала ему случившееся и осталась ждать — теперь, увидев господина Ли, девушка послала за лекарем и поспешила принести юноше теплый плащ. Выходя, он не рассчитывал провести на холодном ветру много времени, что из-за слабого здоровья могло обернуться жаром.

Так и вышло: под ворчание лекаря Линя к вечеру цвет лица Ли Инчуна стал землистым, яшмовые глаза потускнели, а щеки болезненным румянцем стали напоминать цветы персика. Ли Инчунь выпил целебные отвары, лег на растопленный кан и постарался по совету лекаря заснуть — однако отрешиться от всех мыслей и переживаний у юноши не получалось. Из-за болезни под пологом ресниц его глаза горели и слезились, а лицо казалось объатым пламенем. Губы Ли Инчуна высохли, а голос, когда он обратился в тишине ночи к дежурящей у постели Фэнцзи, был слаб.

— Что ты тут делаешь? — спросил он. Фэнцзи, думающая, что господин давно спит и сама принявшаяся дремать, вздрогнула всем телом от неожиданности. Свет был потушен, но ночь оставалась ясной, потому в свете луны огромные глаза девушки казались еще больше и наивнее, словно у испуганного котенка.

— Господин? — шепотом спросила она. — Эта служанка думала, вы спите...

— Заснешь тут... — пробормотал Ли Инчунь и бросил на Фэнцзи недовольный взгляд из-под теплых одеял. На его груди по своему обыкновению свернулся клубком Дами, потому юноше приходилось немного поворачивать голову, чтобы увидеть собеседницу, и это невольно умаляло его суровость. — Чего не идешь отдыхать?

— Присматриваю за вами, — смущенно отозвалась Фэнцзи. — Мы с лекарем Линем сговорились, что на рассвете придет он и я до часа маотдохну, но большую часть ночи за вами нужен присмотр. Жар сейчас небольшой, но в вашем состоянии может стать хуже... — девушка помолчала мгновение и повторила слова лекаря: — Чтобы скорее выздороветь, вам нужно отдыхать. Поспите.

Подняв взгляд к потолку, Ли Инчунь молчал. Дами на его груди от тихих разговоров повел ухом, но не пожелал открывать глаз — лишь начал лениво, глубоко мурчать. Вибрация от него сквозь одеяло достигала груди Ли Инчуна и сталкивалась с его не желающим умять бешеного темпа сердцем.

— Если не спится, мы можем с вами поговорить. Разговоры всегда убаюкивают, — сказала Фэнцзи. Она чувствовала часть своей вины за случившееся днем и полагала, что, если бы пошла с Ли Инчуном тогда, то смогла бы ему и своему молодому господину чем-нибудь помочь. Девушка ни за что не призналась бы в подобных мыслях, но готова была теперь ночью дежурить у чужой постели и, забыв прошлые обиды, пытаться разговорить лежащего на расстоянии вытянутой руки от нее человека. Голос Фэнцзи сначала звучал скованно, но после становился с каждым словом все смелее.

— Прием окончился хорошо. Пришла матушка Сяоху, наложница Чжоу и молодые господа: все они познакомились с Великим хоу и на каждого он произвел хорошее впечатление. Барышня Баочжай, дочь наложницы Чжоу, едва в кровь не искусала губы при взгляде на барышню Сяолин: такой красавицей ей никогда не быть, а теперь она вынуждена смотреть, как барышня Сяолин счастлива в браке и радоваться ее прелестной дочери. Его Высочество Пятый принц не стал смущать семейное торжество, потому уехал сразу, как появилась матушка Сяоху, но к вечеру и Великий хоу засобирался домой. Он не подавал виду, но позже господин сказал, что Пань Тань чем-то был взволнован. Барышня Сяолин думала остаться у нас на ночь, но после все же решила, что уедет с мужем: бедная наша барышня, такое ей приходится терпеть! Когда она прощалась с господином и бабушкой, у всех на глазах стояли слезы и я сама чуть не разрыдалась от горя — пусть и смотрела издали: все же, на глаза Пань Таню после побега из его поместья мне лучше не попадаться...

— Трещишь громче майн в саду твоего хозяина, — возмутился Ли Инчунь, глядя на счастливо пересказывающую прошедшие события девушку. Тут же впрочем он уточнил: — Более ничего на встрече не произошло? С чего бы Пань Таню спешить домой?

— Этого я не знаю, — пожала плечами Фэнцзи. — Слуги его тоже выглядели удивленными, но спрашивать никто не стал — и не удивительно! Скажу я вам, господин, что когда я служила в поместье хоу, то точно была в армейском лагере! Так и ждала каждое утро, что мне выдадут меч, коня и отправят защищать границу! Послушание там превыше всего: лишнее слово

сказать нельзя, нельзя смотреть, чтобы вот так, как с вами, с господином поговорить — отлупят палками! Ужасное место, злое!

Ли Инчунь не ответил: снова его бледное лицо с каплями пота у висков лишилось всякого выражения, пока он тщательно обдумывал услышанное. По мнению Фэнцзи, думать тут было не о чем: Пань Тань и раньше творил что вздумается, и вот теперь опять решил поступить так. Фэн Жун и Фэн Сяолин сегодня слишком встревожены были сокрытием тайны нахождения рядом Ли Инчуна, потому не стали хоу останавливать хоу: в ином случае с характером молодого хозяина мог бы выйти скандал.

— Господин, — через время позвала Фэнцзи. Пальцами перебирая ткань серой юбки, девушка спросила: — Отчего вы меня не о чем не спрашиваете?

— Ты разве не сама сказала сейчас, что ничего не знаешь? — кинув на Фэнцзи быстрый взгляд, спросил в ответ Ли Инчунь. Фэнцзи мотнула головой: волосы ее заплетены на деревенский манер были в два упругих пучка, закрывающих уши, и от движения они возмущенно затряслись.

— Я не о том, — сказал девушка. Видно, что говорить ей было неловко, но глубоко вздохнув, Фэнцзи продолжила издали. — Ваш совет помог, и после того, как меня несколько раз видели с Куанем, больше другие служанки не пристают. Я хотела сказать спасибо, но так же и спросить: почему вы не спрашиваете, от чего меня невзлюбили?

— Так точно потому, что ты болтаешь без умолку.

— Это не так, — ответила Фэнцзи и, несмотря на ворчливость в чужом голосе, улыбнулась. — И дело не в том, что я на службе у господина с другими вела себя высокомерно: Мэйхуа и Мэйцзи вот вообще, кроме нашего хозяина, никого не слушают!

— Тогда даже не представляю, — ровным голосом без всякой интонации ответил Ли Инчунь. Фэнцзи не отпугнула его холодность: за время, проведенное рядом, она поняла, что своего любопытства Ли Инчунь никогда не показывает, но, если не отослал ее тут же — желает услышать рассказ. Невольно выпрямив спину, девушка начала:

— Господин должен был слышать, что большая часть слуг в поместье Фэн происходят родом из деревень, что стоят на господских землях. Если ты услужлив, умеешь читать и разбираешься в делах господ, тебя могут забрать в столицу — а тут уж можно зажить. Это место совсем не такое, как наша дальняя деревня. Попасть сюда хочет каждый, но едва ли двум-трем молодым людям удастся. Пару лет назад в мою деревню приехали люди из господского дома, чтобы выбрать новых девочек-слуг, — Фэнцзи опустила взгляд на свои руки и на одном дыхании призналась: — Тогда я подставила соседскую девочку, чтобы самой заполучить место здесь. Пусть меня выбрали, а после почти сразу выделил молодой господин, такой поступок стал известен и дома, и здесь. Конечно, с таким человеком никто теперь водиться не хочет.

Ли Инчунь мгновение помолчал:

— Зачем ты мне это рассказываешь?

— Что бы вы от меня узнали, а не от других, — пожав плечами, ответила девушка. — Пусть вам наверняка все равно, и помогли вы мне, только чтобы самому не испытывать трудностей, я решила, что правильнее будет признаться.

— Врешь, — тихим голосом ответил юноша. — Ты мне рассказала, чтобы меньше чувствовать

себя виноватой. Перед той девушкой ты извиниться теперь не можешь, но жить с виной перед ней — трудно, потому ты себя и всех вокруг хочешь убедить, что давно уже смирилась и безропотно принимаешь свой поступок.

— Это не так... — хотела было возмутиться Фэнцзи, но Ли Инчунь улыбнулся ей:

— В самом ли деле? Мне до всей этой возни меж вами дела нет, я даже не спрашивал — а ты все равно все разболтала. Фэн Жуну наверняка тоже все как на духу выложила, а он тебя в ответ пожалел и утешил.

Румянец залил щеки девушки:

— Господин очень чуткий!..

— Чуткий он — и что с того? Почувствовала ты себя после этого легче? Сдается мне нет, если позволяешь этим пигалицам продолжать над собой измываться.

Фэнцзи и перед господами редко робела, а Ли Инчуня после проведенного рядом времени, особенно теперь, когда он лежал перед ней пластом и продолжал измываться, вовсе не почитала за хозяина, потому нахмурилась и ответила:

— Вы так говорите, потому что сами с таким не сталкивались! Рассуждать легко, а посмотрела бы я на вас, если бы поступок уже был сделан, а исправить ничего больше было нельзя!

— Бранись, сколько влезет, — легко отозвался Ли Инчунь и вновь поднял глаза к потолку. — Но со спины тигра уже не слезть: остается лишь пережидать, когда он остановится. А там — кто знает? — уже и жизнь пройдет.

Больше Ли Инчунь ничего не сказал: под возмущенное дыхание Фэнцзи, которая никак не могла поспорить, он долго глядел на потолочные балки. После, слушая тихое урчание не скованного кандалами моральных принципов котенка, Ли Инчунь провалился в беспокойный сон.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://bllate.org/book/17230/1705294>